

Пролог

Возможно, это была финальная битва, но, может быть, это была просто очередная битва, она не знала. Она устала, так устала. Она моргнула, от дыма у нее заслезились глаза. Где они были? Она крепко сжала свою палочку и заскользила от одного укрытия к другому. Она заметила вспышку ярко-оранжевых волос - яркий цвет, выделявшийся на фоне почерневшей земли поля боя. Она быстро подбежала к фигуре и перевернула ее. О, Рон! Она закрыла его невидящие глаза, и слезы упали на его бледную, холодную кожу. Она оставила его, потому что этого требовало поле боя. Нельзя было долго оставаться на одном месте. Это было вредно для здоровья. Она вернулась к месту, где укрывались Джинни, Невилл и Полумна.

"Прости, Джинни, - прошептала она, когда вернулась. Джинни покачала головой, ее рот искривился в отрицании. Она не могла сейчас плакать. Она не могла бороться, если не могла видеть.

"Где Гарри?" в голосе Джинни слышалась боль. Гермиона покачала головой.

"Я не знаю... я не знаю", - прошептала она.

Их маленькая группа отважно сражалась, но в конце концов их загнали в угол. Джинни мрачно бросала хекс за хексом, ее губы сжались в тонкую линию, а глаза пылали ненавистью к окружавшим их Пожирателям смерти. Невилл и Полумна были мужественны. Она видела страх в их глазах, но они сражались независимо от исхода. Поле битвы внезапно сместилось вокруг нее, и ей показалось, что она наблюдает за происходящим с высоты. Она видела себя, сражающуюся как гриффиндорская львица: яростная и сильная. Голос, звучавший отовсюду и ниоткуда, раздался вокруг нее.

"То, что породило зло.

Должно быть уничтожено;

Восстановить равновесие и одержать победу.

Необходимо принести жертву

Ради блага всех нас;

Вернуть душу на свое место".

На нее наложили заклятие, и Гермиона увидела, как ее окутывает ослепительный белый свет. Она слышала вокруг себя отголоски битвы и вдруг почувствовала, что падает... падает.

"Гермиона! Мне так жаль!" Голос плакал рядом с ней. "Пожалуйста, не умирай. Мне так жаль, я не хотела этого делать!"

Гермиона зашевелилась, но когда она пошевелила головой, началась агония. Она вскрикнула от боли, раздался икающий всхлип, а затем звук бегущих ног. Гермиона не могла открыть глаза. Было слишком больно. Она чувствовала, что дрейфует в море чёрной бархатной тьмы.

"Гермиона? Любимая? Ты меня слышишь?" Нежный голос звал ее по имени, прохладные руки лежали на лбу. Она знала этот голос, не так ли? Она попыталась зашевелиться, ответить и застонала от боли. "Тише, любимая, тише. Все будет хорошо".

"Держись, принцесса, я держу тебя", - сказал более глубокий голос, и Гермиона почувствовала, как ее поднимают все выше и выше, но боль в голове становилась все сильнее, пока она не встретила оцепеневшую черноту.

Когда Гермиона очнулась, то обнаружила, что смотрит на полог большой кровати. Она выглядела незнакомой и в то же время знакомой. Гермиона попыталась сесть, но голова закружилась, и она свалилась в горшок, который стоял рядом с кроватью. Послышались шаги, и Гермиона подняла глаза от горшка. В дверях стоял мальчик. Он выглядел испуганным и расстроенным из-за того, что она заболела. Она ведь знала его, не так ли? Его всклокоченные черные волосы торчали во все стороны, а за стеклами очков его лесные глаза были наполнены какими-то эмоциями, которым она не могла дать названия.

"Мама! Мама, ей становится плохо!" в панике крикнул мальчик в коридор.

По коридору торопливо зашагали ноги, но это были более взрослые, более женские ноги, чем те, что мальчик бежал во весь опор, услышав ее сухие вздохи. В комнату поспешила красивая женщина с каштановыми волосами и ореховыми глазами. Ее руки нежно и прохладно коснулись лба Гермионы. Она помогла ей вернуться в постель. Взмах палочки, и она позволила Гермионе попить воды из кубка. Мальчик пересел к изножью кровати и продолжал смотреть на нее измученными глазами.

"Гермиона, - взмолился он, стоя у изножья кровати. "Мне так жаль".

"Джеймс, - голос матери был мягким, но в нем слышалась стальная нотка, отчего мальчик выглядел еще более несчастным. "Не сейчас, дорогой. Ты сможешь попросить прощения у своей сестры позже. А сейчас беги и приведи своего отца".

"Да, мэм", - пробормотал он, и его юное лицо исказилось, когда он поспешил из комнаты.